
СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
РАЗДЕЛ I. СТРАНА И ЛИТЕРАТУРА	9
Развилки и Петля	9
«Авиатор»: под крылом из фанеры	18
Немцы Поволжья, Сталин и английский газон.....	26
Первый вор. Александр Пушкин и криминальная футурология	31
Лермонтов: точка с запятой.....	44
Василий Шукшин, старый пират <i>(О тяжеловесах лёгкого жанра)</i>	48
Пограничник Валентин Распутин.....	77
Четвёртый брак Михаила Булгакова (триптих)	79
Ад и Рай Алексея Балабанова	96
Партийное кино	101
Левиафан-лайт	107
Потерянная Зинаида Гиппиус	112
Оправдание циника	119
Отакуй не отакуй	133
Инженерия мифа.....	136
Исчезающий Трифонов.....	144
Национальный герой фэнтези	151
О свойствах «Урана»	155
Города и готы	159
«1993»: не единственная Гражданская	165
Сенчин как ремейк (диалогия)	169

РАЗДЕЛ II. ПЕРЕОЗВУЧКА.....	181
Егор Летов: время и люди вокруг Портала	181
Михаил Шуфутинский: вечный побег в 3 сентября.....	190
Русский элемент	196
Знакомая звезда.....	200
Юзом.....	202
РАЗДЕЛ III. ОКОЛО БРОДСКОГО.....	205
Иосиф и его племянники	205
Бродский как персонаж. Биография продолжается	208
«Независимость Украины» и зависимость от тенденции: перетягивание Бродского	213
РАЗДЕЛ IV. РАЗГОВОРЫ О ЛИМОНОВЕ.....	224
Лимонов, Ахматова, Высоцкий	224
Капитан ковчега, построенного из надгробных плит	234
Лимонов в постели с гвоздями	239
Эдуард Лимонов. Веселый пророк	242
РАЗДЕЛ V. РЕПЛИКИ О ПЕЛЕВИНЕ	248
Пелевин: нельзя за флажки	248
Владлен Татарский: к происхождению псевдонима	252
РАЗДЕЛ VI. ПАРАГРАФЫ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕГО УЧЕБНИКА	260
Роман (за)рубежа.....	261
Мы в «Месте»	265
Чапаев вне пустоты	272
Мистерия и Мастер.....	281
Общее дело русского заговора: роман о не наступившем конце света	287
Большое пожирание: роман самооправдания.....	292
Административный ресурс под амнезией	297
«Чёртовое колесо»: о веществах и витаминах	304
Новый, крёстный, русский	310
«Мультики» и «Чебурашки»: роман трансформации державы.....	324

РАЗДЕЛ VII. ЗАХАР: 2015–2025 гг.	334
Перпендикулярная реальность	334
Государственная «Обитель».....	340
Биография как эпос.....	345
Батальонная проза.....	352
Большая малая.....	358
РАЗДЕЛ VIII. ВОЙНА И МИФ.....	367
Юрий Бондарев: от солдата на войне до генерала русской литературы	367
Лейтенанты и цифровики.....	383
Поэт-берсерк: об уникальности военных стихов Павла Шубина.....	385
«История» одного «Гения».....	394
Народы и мысли.....	400
Фронт и литературная фронда.....	402
Проза мыслящего БПЛА.....	406

ОТ АВТОРА

Егор Летов, один из важных персонажей этой книги, вспоминал, как *«...все эти годы терпеливо прегвкусил составление — такого солидного увесистого Greatest Hits, или, там... the Best»*.

Схожие чувства владели мной при составлении этого сборника — хотелось дать, по самоощущению, наиболее весомые и бесспорные результаты тридцати без малого лет (впрочем, с перерывами, иногда значительными) работы в литературной критике. Но в процессе концепция изменилась; сложилось понимание: «новое» (то есть ранее не публиковавшееся в книгах) должно быть в приоритете над «лучшим», при общем сохранении юбилейного контекста (мне в 2025 году исполняется 55 лет, и ни разу не нумеролог, помешанный на фатальных датах и цифрах, я почему-то заворожён этим возрастным палиндромом, единственным, в своей чёткой убедительности, для человеческой жизни). Юбилейность я, может быть избыточно, концептуализировал: и в названии книги «55», и количеством текстов — те же 55, впрочем, здесь возможны некоторые арифметические разночтения. Что до преобладания «нового» — резоны автора были очевидны: в литературе, деле неизменно живом, the best`ы хороши, когда работа литератора по объективным причинам прекращается, а творческий итог подводишь уже не ты, а куда более объективные инстанции. (Применяю сей тезис не к себе, но говорю об общих законах.) Поэтому выбор в пользу «нового» очевиден.

Если говорить о «лучшем» — я намеренно не включил материалы из книги «Вежливый герой» («Пятый Рим», 2018 г.), а тексты из книги «Об Солженицына» («Книжная полка Вадима Левенталя», 2020 г.), использовал в небольшой степени. Мотивы на поверхности: в первом случае мы имеем дело с цельной и достаточно герметичной работой, нарушать которую, даже постфактум, не вижу смысла, во втором — книжка вышла не так давно и остаётся на слуху. Получилось так, что «лучшее» — главным образом вольная эссеистика с интерпретациями вечных тем, «русских вопросов» и главных имён.

Концептуальную цифирь, по замыслу автора, должна уравнивать простота и очевидность навигации по разделам. Первый, названный по основному в моей работе литератора жанру «Страна и литература» — русское поле бытования текстов и персонажей, в их взаимодействии, подчас неожиданным и причудливым. Раздел закольцован фигурой писателя Романа Сенчина, с которым мне приходилось вступать в полемику о судьбах современной русской литературы (говорю не без иронии, но вполне осознанно) — речь об открывающей сборник статье «Развилки и Петля», а завершается разговором о преобладающем творческом методе Романа Валерьевича. Или скажем, Юрий Трифонов, не только большой писатель, но и профессиональный спортивный журналист и болельщик, в биографии которого принципиальны 50-е и 70-е годы двадцатого века, а распиаренные 60-е значат куда меньше, соседствует с русским футбольным гением Эдуардом Стрельцовым, трагическая судьба которого резонирует с эпохой вполне схожим образом. Другой пример: размышления о нашумевшем в своё время фильме «Левиафан» Андрея Звягинцева переходят в экспертизу тогда же возникшего «левиафанного» направления в отечественной прозе (роман «Оскорблённые чувства» Алисы Ганиевой). И так далее, предоставляю читателю заманчивую возможность самостоятельно играть в коды, связи и аллюзии.

С дальнейшим понятно: в литературные разделы почти не помещались деятели иного искусства (назо-

вём его, условно, «музыкой»), к тому же казалось заманчиво сблизить Егора Летова и Михаила Шуфутинского, а рэппера Рича с поэтом-песенником Николаем Добронравовым. Получилась, любопытная, по-моему, «Переозвучка».

Разделы, посвященные отдельным авторам, которые являются моими давними спутниками, предметом вечного уже интереса и осмысления; тут, пожалуй, надо прояснить главу, посвященную Захару Прилепину. В 2015 году у меня выходила книга «Захар» — опыт литературного портрета, работа эта имела определённый читательский успех и экспертный отклик, но я чётко представлял своего героя и понимал, что Прилепин — именно тот случай, когда жизнь на всех скоростях обгоняет литературу. Поэтому раздел, ему посвящённый, имеет точную датировку и тексты, его составляющие, не эпилог к «Захару», а развитие темы и жанра.

Да, некоторые тексты снабжены проясняющими и актуализирующими комментариями — и эти маргиналии кажутся мне необходимыми даже пардон, в смысле политическом. Как в случае писателя Михаила Гиголашвили: «...и "Чёртово колесо", и его автор в русской литературе состоялись, и поделаться с этим уже ничего нельзя.

Скажу больше, у этого писателя грузинского происхождения и заграничного проживания есть несомненные перед ней, русской литературой, заслуги, по поводу чего он сейчас явно испытывает сложный и мучительный комплекс.

По поводу же нынешней оголтелости Гиголашвили у меня есть версия — фейсбучная русофобия его не столько грузинского и европейского, сколько, увы, именно русского генезиса. Очевидно, что всю свою творческую, да и научную (Достоевский) карьеру, давно эмигрировавший Гиголашвили связывал с русским языком, а, значит, и миром, а теперь выходит, что все без малого семьдесят лет бурной и многоцветной жизни, русские книги и процессы, русская метафизика и русские литературные грузья — категорически обнуляются. Как тут не эмоционировать в регистре

перманентной истерики и "маловысокохудожественных" поливов...».

Пассаж можно атрибутировать и другим литераторам-релокантам — иноагентам, которых в этой книге немало, по тем самым причинам принадлежности русской литературе, как бы эта самая принадлежность означенных ребят сегодня, используем понятное им слово, не триггерила.

И последнее предупреждение: в ряде текстов могут встречаться самоповторы (в цитатах или умозаключениях). Проблемы здесь не вижу, к чему призываю и читателя. Во-первых, я автор одной темы, выраженной триадой («Власть — Литература — Страна»), во-вторых, автоплагиат для меня — даже не приём, а способ мышления.

В остальном — в добрый путь. Литература продолжается. Не так важно, с нами или без нас.

РАЗДЕЛ I. СТРАНА И ЛИТЕРАТУРА

Развилки и Петля

Знаменитый писатель нашего времени Роман Сенчин попросил у меня отклика на его статью в «Литературной газете», задуманную как программная и априори дискуссионная, — «Под знаком сочинительства».

Работа большая (если не по объёму, так по тематическому охвату) и довольно сумбурная, что простиительно, ибо автор, по сути, в одиночку работает за весь отсутствующий литературный процесс, его авторов и арбитров одновременно. Основная мысль Романа: в десятые годы именитые литераторы ушли в сочинительство, беллетристику (у Сенчина она — синоним придуманности и отчасти некоторой вымороченности) — Захар Прилепин, Андрей Рубанов, Сергей Шаргунов, Герман Садулаев. Мощно выстрелили писатели изначально беллетристического дарования — Евгений Водолазкин, Гузель Яхина. Отчего беллетристика выиграла, радикально подняв уровень, а большая русская литература проиграла.

1

Концепция весьма спорная, ниже я по ней пройду с примерами, а пока объясню, где у Романа Валерьевича изначально хромает аргументация, отчего все его последующие построения начинают вибрировать и шататься. Так, Сенчин никак не рефлексирует по поводу диалектики смены литературных эпох и, пытаясь обозначать их чередование, подобно

летописцам, «без гнева и пристрастия», упускает ряд важных вещей.

Ну вот, скажем, делая экскурс в революционную (только не для литературы) эпоху 90-х: *«Естественно, литература изменилась — мейнстримом стало то, что совсем недавно находилось в андеграунде. Начался карнавал слов и смыслов, экспериментов, бесконечных вариаций историй про Золушку, богатырей, кощеев; прошлое высмеивалось и отменялось... Позже этот период получил название «десятилетие постмодернизма»»*.

Во-первых, в 90-е постмодернистский карнавал, густо замешанный на соц-арте, а проще говоря — троллинге пожилой советской власти, уже выдохся и представлял собой зрелище жалкое, отчасти стыдное, а в творческом смысле — полный тупик, даже не бесконечный. (В другую уже эпоху Михаил Елизаров с «Pasternak`ом», «Библиотекарем» и песенным панк-бард-шансоном показал, что мамлеево-сорокинские штудии вполне продуктивны, если сработаны на эмоции мести за поруганную традицию.)

Во-вторых, истории про богатырей, кощеев, леших, «ведем» и прочих персонажей фольклорно-классического бестиария куда полнокровнее прописались ближе к концу 60-х в «сказочном цикле» Владимира Высоцкого. Ключевое настроение которых при всей, как утверждал автор, «шутошности» — эсхатологическое. Художник чрезвычайно интуитивный, Высоцкий едва ли не первым почувствовал все скорые концы и окончательно промелькнувшие развилки. Там же у ВВ виртуозно и почти без всякого «мошенства» смешиваются пласты времени — ещё раз замечу, задолго до Саши Соколова, не говоря о Сорокине с Пелевиным.

В-третьих, ничего бахтинского в этом «карнавале» и близко не присутствовало — ни тебе «фамилярного контакта», ни «весёлой относительности», разве что вялая амбивалентность. Об окружающей реальной жизни можно было узнать лишь из афоризмов Пелевина (которые дальше — больше обратно эволюционировали к КВН, советскому, конечно, относительно современного я не в курсе) да олигархических саг Юлия

Дубова — талантливому адвокату двух среднегабаритных дьяволов, в которых легко угадывались ныне покойные Борис Березовский и Бадри Патаркацишвили. Были ещё «экономические детективы» Юлии Латыниной (признана в РФ иноагентом), где поочерёдно, а то и все вместе, воспевались бандиты, промышленные олигархи и молодой президент.

Разновозрастная литературная молодёжь увлечённо второгодничала в школе для дураков Саша Соколова (продвинутое меньшинство), а в большинстве тщетно пыталась излечиться от казавшейся хронической хвори под названием «Владимир Набоков». (Надо сказать, что поэты аналогичную болезнь «Иосиф Бродский» преодолели чуть раньше.)

Ситуация подталкивала к признанию сорокинского «Голубого сала» (по Сенчину — «вымученного», вот тут не соглашусь) главным документом и шедевром эпохи — наверное, заслуженно, но уж точно не от хорошей жизни. Впрочем, сам Роман Валерьевич начал печататься во второй половине 90-х, когда серьёзно работали Алексей Слаповский и Олег Ермаков — писатели если не одной лодки, то общего тогда русла. Владимир Шаров, автор гениальных «Репетиций» (публикация в 1992 г.), постмодернистом себя категорически не признавал: *«Я считаю себя глубочайшим образом реалистом. Никаким постмодернистом я себя не считаю и никогда не считал»*. Иронизировал: *«Правда, через год она (страна. — А. К.) может прийти к другому, и тогда я реалистом в этом смысле быть перестану»*. (Кстати, на фоне шаровских «Репетиций» Евгений Водолазкин и Гузель Яхина и впрямь выглядят действительно среднего уровня беллетристами.)

2

Смену литературных эпох в миллениум Роман связывает с приходом нового президента, *«который быстро дал понять, что во всех отношениях настроен всерьёз»*. (Потом этот «всерьёз» появится через строчку, для усиления мысли, видимо.) В применении к литературе столь чёткая связь заявлена, пожалуй,